

Антигной

Посылает полковой адъютант к первой роты командиру с вестовым записку. Так и так, столик у меня карточный дорогого дерева на именинах водкой залили. Пришлите Ивана Бородулина глянец навести.

Ротный приказание через фельдфебеля дал, адъютанту не откажешь. А Бородулину что ж: с лагеря от занятий почему не освободиться; работа легкая - своя, душевная, да и адъютант не такой жмот, чтобы даром солдатским потом пользоваться.

Сидит это Бородулин на полу, лаком-сандараком ножки натирает, упарился весь, разогрелся, гимнастерку с себя на паркет бросил, рукава засучил. Солдат был из себя статный да крепкий, хочь патрет пиши: мускулы на плечах и руках под кожей чугунными желваками перекатываются, лицо тонкое, будто и не простой солдат, а чуть-чуть офицерских дрожжей прибавлено. Однако ж, что зря хаять, - родительница у него была старого закала, природная слободская мещанка, - в постный день мимо колбасной лавки не пройдет, не то, чтобы что...

Перевел дух Бородулин, ладонью пот со лба вытер. Поднял глаза, барыня в дверях стоит, - молодая, значит, вдова, у которой адъютант по сходной цене фатеру сымал. Из себя аккуратная, личико тоже - не отвернешься. Ужли адъютант у корявой жить станет...

- Упрели, солдатик?

Скочил он на резвые ноги, - гимнастерка на полу. Только он ее через голову стал напяливать, второпях в ворот руку вместо головы сунул, ан барыня его и притормозила:

- Нет, нет! Гимнастерку не трожьте! Обсмотрела его по всем швам, будто экзамен произвела, и за портьерку медовым голосом бросила:

- Чисто Антигной!.. Энтот мне как есть подходит.

И ушла. Только дух за ней сиреневый так дорожкой и завился.

Принахмурился солдат. На кой ляд он ей подходит? Экое слово при белом свете ляпнула... С жиру они, барыни, перила грызут, да не на такого напала.

Справил Бородулин работу, снасть свою в узелок связал, через вестового доложил.

Вышел адъютант самолично. Глаз прищувил: блестит столик, будто его корова мокрым языком облизала.

- Ловко, - говорит, - насандалил! Молодец, Бородулин!

- Рад стараться, ваше скородие. Только извольте приказать, чтобы до завтра окон не отпирали, пока лак не окреп. А то майская пыль налетит, столик затомится... Работа деликатная. Разрешите иттить?

Наградил его адъютант как следует, а сам ухмыляется.

- Нет, братец, постой. Одну работу справил, другая прилипла. Барыне ты очень понравился, барыня лепить тебя хочет, понял?

- Никак нет. Сумнительно чтой-то...

А сам думает: что ж меня лепить-то? Чай уже вылеплен!..

- Ну, ладно. Не понял, так барыня тебе разъяснение даст.

И с тем фуражку на лоб и в сени проследовал. Только, стало быть, солдат за гимнастерку - портьерка - взык! - будто ветром ее вбок отнесло. Стоит барыня, пуховую ладонь к косяку прислонила и опять за свое:

- Нет, нет! Взойдите, как есть, в натуральном виде. Вас как зовут-то, солдатик.?

- Иван Бородулин! - ответ дал, а сам, будто медведь на мельничное колесо, вбок устоялся.

Зовет она его, значит, в свой покой на близкую дистанцию. Адъютант приказал, не упрешься.

- Вот, - говорит барыня, - обсмотрите. Все крутом, как есть моей работы.

Мать честная! Как глянул он, аж в глазах забелело; полна горница голых мужиков, кто без ног, кто без головы... А промеж них бабы алебастровые. Которая лежит, которая стоит... Платья-белья и звания не видать, а лица, между прочим, строгие.

Барыня тут полное пояснение сделала:

- Вот вы, Бородулин, по красному дереву мастер, а я из глины леплю. Только и разница. Ваша, например, политура, а моя - скульптура... В городе монументы, скажем, поставлены, те же самые идолы, только в окончательном виде...

Видит солдат, что барыня не военная, мягкая, - он ей поперек и режет:

- Как, сударыня, возможно? На монументах ерои в полной парадной форме на конях шашками машут, а энти, без роду-племени, ни к чему. Разве таких голых чертей в город выкатишь?

Она, ничего, не обижается. В кружевной платочек зубки поскалила и отвечает:

- Ан вот и ошиблись. В Питере не бывали? То-то и оно! А там в Летнем саду беспорточных энтих сколько угодно. Который бог по морской части, которая богиня бесплодородием заведует. Вы солдат грамотный, следует вам знать.

"Ишь заливает! - думает солдат. - Чай там в столичном саду мамки княжеских ребят нянчат, начальство гуляет, - как же возможно погань такую меж деревьев ставить?..".

Достает она из рундучка белую мохнатую простыню, край кумачевой лентой обшит, - подает солдату.

- Вот вам вместо крымской епанчи. Рубаху нательную сымайте, мне она без надобности.

Ошалел Бородулин, стоит столбом, рука к вороту не подымается.

Ан барыня упрямая, солдатского конфуза не принимает:

- Ну что ж вы, солдатик? Мне ж только до пояса, - подумаешь, одуванчик какой монастырский!.. Простыньку на правое плечо накиньте, левое у Антигноя завсегда в натуральном виде.

Не успел он опомниться, барыня простыню на плече лошадиной бляхой скрепила, посадила его на высокий табурет, винт подвинтила... Вознесся солдат, будто кот на тумбе, - глазами лупает, кипятки к вискам приливает. Дерево прямое, да яблочко кислое...

Взяла она солдата на прицел из всех углов.

- В самый раз! Вот только стригут вас, солдат, низко, - мышшь зубом не схватит. Антигною бесприменно кудерьки полагаются... Мне для полной фантазии завсегда с первого удара модель по всей форме видеть надо. Ну, этой беде пособить нетрудно...

В рундучок снова нырнула, паричок ангельской масти вынула и на Бородулина его так круглым венчиком и скинула. Сверху обручем медным притиснула, - то ли для прочности, то ли для красоты.

Глянула она с трех шагов в кулачок:

- Ох, до чего натурально! Известкой бы вас побелить, да в замороженном виде на постамент поставить - и лепить не надо...

Посмотрел и Бородулин в зеркало, - что наискось в простенке около козлоногого мужика висело... Будто черт его за губу дернул.

Ишь срамота... Мамка не мамка, банщик не банщик, - то есть до того барыня солдата расфасонила, что хочь в балаганах показывай. Слава Тебе, Господи, что окно высоко: окромя кошки, никто с улицы не увидит.

А молодая вдова в раж вошла. Глину вокруг станка вертит, туловище в сыромятном виде на скорую руку обшлепала, вместо головы колобок мятый посадила. Вертит, пыхтит, на Бородулина и не взглянет. Спервоначалу она, вишь, до тонких тонкостей не доходила, абы глину кое-как обломать.

Потеет солдат. И сплунуть хочется, и покурить охота смертная, а в зеркале плечо да полгруды, как на лотке, корнем торчат, вверху рыжим барашком пакля расплывается, - так бы из-под себя табурет выдернул да себя по морде и шваркнул... Нипочем нельзя: барыня хочь и не военная, однако обидится, - через адъютанта так ушибет, что и не отдышишься. Упрела, однако ж, и она. Ручки об фартук вытерла, на Бородулина смотрит, усмехается.

- Сомлели? А вот мы передышку чичас и сделаем. Желательно походить, походите, а то и так в вольной позиции посидите.

Чего ж ему ходить в балахоне-то энтот с обручем? Запахнул он плечо, слюнку проглотил и спрашивает:

- А из каких он, Антигной, энтот, будет? В богах бусурманских числился, либо на какой штатской должности?

- При крымском императоре Андреяне в домашних красавцах состоял.

Покрутил Бородулин головой. Скажет, тоже... При императоре либо флигель-адъютанты, либо обер-камердинеры полагаются. На кой ему ляд при себе хахаля такого в локонах содержать.

А барыня к окну подошла, в сад по грудь высунулась, чтобы ветром ее обдуло: тоже работа не легкая, - пуд глины месить, не утку доить.

Слышит солдат за спиной писк-визг мышиный, портьерка на кольцах трясется. Покосился он взад на оба фланга, чуть с табуретки не сковырнулся: с одного конца барынина горничная, вертеха, в платочек давится, с другого денщик адъютантский циферблат высунул, погоны на нем так и трясутся, а за ним куфарка, - фартуком пасть закрывает... Повернулся к ним Бородулин полным

патретом - так враз всех и прорвало, будто по трем сковородкам горохом вдарили... Прыснули, да скорее ходу по стенке, чтобы барыня не застигла.

Обернулась барыня от окна, Бородулина спрашивает:

- Вы что же это, солдатик, фырчите?

И ответить нечего... Кто фырчит, а кто обалдуем на табуретке сидит. Обруч на бок съехал, глаза как гвозди: так бы всех идолов в палисадник вместе с барыней к хрену и высадил. Вздохнул он тяжело, - Бог из глины Адама лепил, поди Адам и не заметил, а тут барыня перед всей куфней на позор выставила...

Эх ты, гладкая! Сколько у ерша костей, столько и барских затей... Знак за отличную стрельбу выбил, по гимнастике, по словесности первый в роте, и вот достиг, - из-за адъютантской политуры в Антигнои влип и не вылезешь... Не барыниным каблучкам присягал, чего ж в простыню-то заворачивает?

Видит барыня, что солдат совсем смяк. Полепила еще с малое время, передничек сняла и деликатным голосом выражает:

- Ежели вам, например, немоготу, чего ж зря сопеть-то... Энтот с простого звания людьми часто бывает, - от умственного занятия до того иного с непривычки в полчаса расштатает, будто воду на ем возили... Да и мне лепить трудно, ежели натура на табуретке простоквашей сидит. Для фантазии несподручно. Идите, солдатик, в лагерь. А завтра с утра беспрерывно приходите. Я завтра постановку головы вам сделаю, а что касается ног, уж я их вам наизусть с какого-нибудь крымского болвана приспособлю.

И полтинничек новый Бородулину из портманетки презентовала. Барыня была справедливая, тоже она не любила, чтобы около ее даром потели...

Заявился Бородулин в лагерь, - около передней линейки стоит ихней роты фельдфебель, брюхо чешет, в бороду регочет.

- С легким паром. Отполировался?

- Так точно. Столик в полную форму произвел.

- Ты мне столиком не козырай... Барыня-то до коих пор тебя вылепила? Антигноем заделался. Смотри, в Питер на выставку идола твоего пошлет, заказов не оберешься.

Взводные тут которые, свои и чужие, - в руку похихатывают, земляки ухмыляются.

Сгорел Бородулин... Вот так пуля! Стало быть, по денщицкому полевому телефону уже дошло... В городе рубят, по садам щепки летят.

Тронулся он было дальше, в свое отделение, а сзади так и поддают:

- Ишь ты доброход! Такие-то тихие, можно сказать, и достигают.

- В карсет его засупонила. Лепись!

- Ен и сам вылепит... Ай да Бородулин, первую роту не посрамил!

Прибавил солдат ходу, - сколько не брешут, еще и на завтра останется.

Ан тут ротный с батальонным, старичком, по песочку мимо палаток прогуливаются.

Стал Бородулин во фронт. Батальонный на него глазами ротному показывает.

- Антигной?

- Он самый. Ну что ж, Бородулин, потрафил?

- Не могу знать, ваше скородие!

Тянется солдат, а сам, как вишня, наскрозь горит.

- Ну, ступай отдохни. Замаялся поди. Ишь, орел какой... Можно сказать, выбрала!

А уж какой там орел, - курицей в палатку свою заскочил, куска хлеба не съел, до самой вечерней поверки винтовку свою чистил, слова ни с кем не сказавши.

Утром, только на занятия вышли, Бородулин ни гу-гу, будто вчерашнее во сне привидилось. Однако, фельдфебель пальцем его к себе поманил.

- Собирайся, гоголь! Адъютант вестового прислал, чтобы непременно тебе каждое утро у барыни лепиться... Портянки-то свежие надень, - либо носки тебе фильдебросовые из штаба округа прислать. Павлин ты, как я погляжу!

Взмолился тут Бородулин, чуть не плачет:

- Ослобоните, господин фельдфебель... Заставьте за себя Бога молить. За что ж я в голой простыне на весь полк позор принимать должен? Уж я вашей супружнице в городе опосля маневров так кровать отполирую, что и у игуменьи такой не найти.

- Не подсыпайся, братец, не могу. Ты солдат старательный, сам знаю. Да как быть-то? Ротный из-за тебя с полковым адъютантом в раздор не пойдет... Потерпи, Бородулин, экой ты щекотливый. Солдат только на морозе, да в бане краснеть должен. Однако, ты сам смотри, - в адъютантский котел с солдатской ложкой не суйся... Адъютант у нас серьезный. Ступай!

Вот и позавтракал: селезень и тот упирается, когда его резать волокут, а солдат и серьгой тряхнуть не смеет.

Помаршировал Бородулин к барыне, в каждом голенище словно по пуду песку, - до того идти неохота. Слободой проходил, слышит - из белошвейной мастерской звонкий голос его окликает:

- Эй, кавалер! Что ж паричок-то не надели, мы для вас бантик розовый заготовили...

Обернулся он, а в окне четыре мамзели, одна на другой лежит, пальцами на него указывают.

- Антигной Иванович! Зашли бы к нам, что брезгаете? Чай мы не хуже барыни, красоту бы свою нам показали...

- Плечики у вас, сказывают, пуховые... Может, голь-кремом смазать прикажете? Что ж так барыне в сыром виде показываться.

Наддал солдат, щебень под каблуками так сахаром заскрипел. А вслед самая озорная, девчонка шелудивая, которая утюжки подает, на всю улицу заливается:

- Цып-цып-цып!.. Солдатик! В случае, глины у вас не хватит, пришлите к нам, у нас на дворе свиньи свежей нарыли!..

Ишь, уксус каторжный!.. На всю слободу оскоромила. Взял он наперерез проулком к адъютантской фатере направление, в затылок мальчишки в два пальца свистят, приказчики из москательной лавки на улицу высыпали:

- Эвона! Монумент глиняный на занятия вышел... Что к чему обычно - брюхо в опояске, солдат к барыниной ласке.

- На соборной площади тебя, сказывали, поставят, - смотри не свались!

Развернулся было Бородулин, хотел одного, который более всех наседа, с катушек сбить, а тот в лабаз заскочил. Сел, пес, в дверях на ящик, мешок через плечо перекинул, ноги раскорячил, - показывает, как солдат на табуретке в позиции сидит...

Прямо, можно сказать, убил. Грохот, свист... Сиганул Бородулин через забор, да пустырями, по задворкам, на барынину улицу, как петух из капусты, вынырнул.

Зашел с черного хода, будто его на аркане топить волокля. Только мимо куфни проскочить нацелился: горничная за куфарку, куфарка за денщика, - трясутся, заливаются, слова сказать не могут. Прошел Бородулин словно босыми ногами по битой посуде... Барыня на скрип вышла, про здоровье спрашивает. Послал бы он ее по прямому проводу, да нижним чинам в барском доме деликатные слова заказаны...

В два счета обрядила она его по вчерашнему, - локонцы эти собачьи промеж ушей натянула, на правом плече бляха, левое окороком вперед.

- Как сомлеете, скажите-. Я зря человека мучить не люблю.

Добрая, что и говорить! А сама такую муку придумала, что кабы не служба, кота б она на крыше лепила вместо Бородулина...

Мнет барыня глинку, миловидно дышит. Туловище кое-как обкарнала, на патрет перешла. Чиркуль со стены сняла и для проверки дистанции стала солдату между губой и носом, да промеж глаз тыкать... Наизусть, значит, не умела, - а тоже берется...

Злой он сидит, как волк в капкане. Да волку, поди, легче, - лапу отгрыз, и - поминай, как звали. А тут, отгрызи-ка! На чикруль глаз скашивает, как бы в ноздрю не заехал, и все ухом к портьерке: не рогочут ли там эти гадюки домашние... Хорошо ему денщику адъютантскому, - курносый да рябой, как наперсток, - в Антигнои-то не попал.

Встрепенулась тут барыня:

- Ах-ах! Совсем из памяти вон. Портниха ж меня там в будуварном покое дожидается!.. Делов столько, что почесаться некогда. Вы уж, солдатик, посидите, ручки-ножки поразомните, а я там мигом по своей женской части управлюсь. Орешков пока не желаете ли погрызть, только на паркет не сорите!

С тем и упорхнула. Сидит Бородулин, преет, табурет под ним побрякивает. До орешков ли тут, кажись бы самого себя с досады перегрыз. Нечего сказать, поднесла ему барыня: и проглотить тошно, и выплюнуть не смей.

А за спиной фырк да фырк... Ляпнуть бы туда туловищем своим глиняным.

Ан тут портьерка в сторону, - старая старушка, которая при барыниной дочке в няньках состояла, на пороге стоит, в коридор зычным голосом командует:

- Кыш, пошли прочь на куфню! Еще и чужих понавели смотреть, - эка невидаль, - с солдата мерку симают... Вон отседова, не то барыне доложу, она вас живо распатронит.

И в монументальную комнату колобком вкатилась. Посмотрела на Бородулина, аж чепчики заскребла:

- Тьфу ты, нечистая сила! Ишь, как живого солдата в крымскую девку обработала...

Солдат, бедный, так голенищами с досады и хлопнул:

- Что ж, бабушка, самому не сладко... По городу не пройти, - так и поливают. Привязала меня твоя барыня через адъютанта, как воробья на нитке, куда ж подашься...

- А ты не гоноши... Какой роты?

- Первой, бабушка. Под арестом ни разу не был, стрелок хоть куда, - из пяти пуль все пять выбиваю... Вот и дождался производства. Барыне б твоей полпуда мышей за пазуху!

Пожевала старушка по-заячьи губами, обсмотрела со строгостью Бородулина, однако ж смягчилась.

- Внучек у меня в Галицком полку служит тоже в первой роте. Вроде тебя. Винтовку за штык в вытянутой руке поднимает... Ну что ж, сынок, надо тебе ослобониться. Барыня у нас ничего, да вот блажь на нее накатывает, все норовит кобылу хвостом вперед запречь...

- Да как же, бабушка, ослобониться-то?

- А ты старших не перебивай. И не такие винты развинчивала... - Походила она по комнате, морскому богу в морду с досады плюнула и вдруг - хлоп! - на прюнелевых ботинках подкатывает к табуретке, веселым шопотом скворчит:

- Нашла, яхонт... Ей Богу, нашла! Куда дерево подрубил, туда, милый, и свалится! Барыню нашу нипочем не сколупнешь, - адъютантом вертит, не то, что солдатом на табуретке. Однако есть и на нее удавка: запахов простых она не переносит, - сублильная дамочка. Почитай, с самого детства, чуть-что, чичас же из комнаты вон...

- Да где ж я, бабушка, запахи энти-то возьму?

- А ты, Скобелев, вперед не заскакивай... Завтра спозаранку, прежде чем на муку свою идти, редьки скобленной поешь, сколько влезет, да еще полстолько... Понял? Да луковицу старую пополам разрежь и подмышками себе натри до невозможности. Вот как вспотеешь, не то что барыня, мухи на паркет попадают. Чу, идет... Пострадай уж, сынок, сегодня, а завтра помянешь ты меня, старуху, добрым словом.

И с тем на прюнелевых ботинках выкатилась, будто светлый ангел.

Барыня взошла и опять за свою глинку. Возрилась она раз-другой, сережками потрясла:

- Чудной вы, солдатик. То, как сыч сидел, а теперь вишь веселость какую в лице обнаружил. Посурьезнее нельзя ли? Антигнои, они веселые не бывают.

А как тут серьезным сидеть, когда все нутро у солдата от старушкиных слов так и взыграло...

Далее что и рассказывать?... Как на другое утро стал солдат на посту своем табуретном редькой отрыгивать, да как потным луком от него, словно из цыганского табора, понесло, - барыня так и взвилась. Да еще на евонное счастье дождик шел, - окна не откроешь...

Стала она с ножки на ножку переступать, да кружевным платочком вентиляцию производить, да глину с тоски не в тех местах мять, где полагается...

К грудям ей подкатило, насилиу успела выбежать, - можно сказать, аж люстра матом покрылась, до того солдат нянькин рецепт по всей форме произвел.

Ждет он, пождет, нет барыни. То ли ему одеваться, то ли дальше редькой икать... Да и совесть покалывать стала: барыня к нему "солдатик-солдатик", а он так со шкурой ее от глины и оторвал. Что ж, сама виновата, хочь бы, скажем, Ермака с него лепила, либо генерала Кутузова, а то такую низменную вещь...

Стал он деликатно каблуками постукивать, чтоб редьку заглушить, ан тут нянька гимнастерку ему несет, глаза, как у лисы, когда она из курятника с полным брюхом ползет.

- Ну, милый, полный расчет. Оболакайся да ступай в лагерь, нам ты более не надобен... Ух, и начал ты, однако, - сига закоптить можно.

Курительную монашку зажгла и в угол отвернулась, пока солдат с себя поганую одежду сымал.

Затянул он поясок, обернулся, полушалок с турецкими бобами из кармана вынул и старушке с поклоном преподносит:

- Примите, бабушка, за совет, за беспокойство. Из волчьей ямы, можно сказать, вытащили!..

- Ах, свет мой! Глазастый-то какой, - вот уж угодил старухе. Спасибо, сынок. Кабы с плеч лет пятьдесят скинуть, я б тебя, ландыш, и не так отблагодарила. Однако, ступай, - до того от тебя простой овощью разит, что и разговор вести невозможно.

Встряхнулся Бородулин, налево-кругом повернулся, подошвой о пол хлопнул, - аж все голые мужики-бабы по стенкам затряслись...